

СЕМЕЙНЫЙ УЧАСТОК НА КЛАДБИЩЕ

РАССКАЗ

АЗИЗ НЕСИН

Турция

Азиз Несин.

Фото В. Хмельнова

ВЕСНА. Совсем тепло. На железнодорожной станции пассажиры ждут поезда. Зал ожидания переполнен. Скамейки на перроне тоже все заняты. Те, кому не хватило места, с рассеянным видом прогуливаются по перрону.

В зале ожидания женщина с грудным младенцем на руках беседует с пожилой дамой, сидящей против нее на скамейке. Из-за полноты женщина с ребенком выглядит старше своего возраста, хотя ей нет еще и тридцати. Густые черные волосы завиты у парикмахера. Лицо округлое, рыхлое, прозрачно-белое. Серо-розовые полные щеки стекают вниз под собственной тяжестью. На женщине плащ из переливчатой ткани. Одной рукой она прижимает к себе ребенка, в другой — большая, с чемодан, сумка. Ноги по форме напоминают графин, к тому же она в туфлях без каблуков, так что ее коротенькая фигурка кажется еще короче.

— Извините, что я вас беспокою... — обращается она к пожилой даме напротив. — Куда вы, мадам, едете?

— В Стамбул... У меня зять живет в Джанкуртаране, вот я к ним и еду...

— Очень приятно. Я тоже в Стамбул... У нас там на кладбище семейный участок... Еду на наш семейный участок. Раньше у нас машина была. Переехали на квартиру, ставить ее там некуда. Когда снимаешь квартиру, трудно держать машину. Муж и продал. Вот и томись, дожидайся поезда. Я к этому не привыкла... Будь у нас машина, раз — и готово. Без заботы, без труда — и на своем семейном участке...

— А где ваш семейный участок?

— Наш? Как его... Да как же это место называется?! Вот,

господи... Все время его называю, а сейчас, пойдя ж ты, вылетело из головы... Подумать только!.. Вот вертится на языке, а не припомню... А, вспомнила! На Новом кладбище! — Огляделась вокруг, чтобы убедиться, что их разговор слушают и другие. — Раньше наш участок был на Мевлянакапы. Потом мужу не понравилось — кладбище, дескать, старое, — перенес наш участок на Новое кладбище.

— Где это — Новое кладбище?

— Разве вы не знаете? В Шишли. Очень благородное место. Вот там у нас и участок... А у вас есть семейный участок?

— Конечно, есть. Как же иначе!..

— У некоторых нет... — Повысила голос, чтобы было всем слышно. — Когда у человека семья, нужно, конечно, иметь семейный участок на кладбище... И вы знаете, когда имеешь семейный участок, насколько же спокойнее жить!..

— То есть как?

— Ну а как же! Идешь кого-нибудь навестить, и сразу все в одном месте. А то иди туда, иди сюда... Это сколько же времени требуется! Когда семейный участок — совсем другое дело. Все в одном месте. Дай бог тем, у кого нет, обзавестись семейным участком...

— А кто у вас там?

— На семейном кладбище? Все родные мужа там... Его дядя, мой свекор, золовки... Потом первая жена мужа. Я у него вторая... Первая умерла...

— Очень приятно.

— Свекра своего я не видела. Вот навещаю теперь на кладбище.

Пожилая дама поднялась:

— Должно быть, касса открылась, пойду-ка возьму билет.

Владелица семейного кладбища под села к пышно разодетой даме:

— До чего же странные есть на свете люди. Не так ли, сударыня?

Разодетая дама промолчала.

— К примеру, эта старая женщина, с которой я только что разговаривала, — и какая ей нужда ни с того ни с сего хвастаться, что у нее есть семейный участок на кладбище?.. А по всему видно, что и нет вовсе. Ну нет и нет. И закон такой не писан, чтобы каждой семье иметь свой участок на кладбище. Зачем ей врать, не пойму... Что в этом стыдного, если нет семейного участка? Не каждому достаток позволяет. Не так ли, сударыня? Бедность не порок... Но дай бог каждому семейный участок на кладбище. Вы же видели, по ее внешности совсем не скажешь, что у нее есть семейный участок. У кого есть свой участок, видно, во-первых, по одежде. Простите за вопрос, а у вас где семейное кладбище, ханымэфенди?

— В Самсуне.

— Ааа... Значит, очень далеко. А наше в Шишли. Знаете, Новое кладбище там? Вы когда-нибудь были на Новом кладбище? Очень красивое место. Конечно, очень дорогое, но зато просторно, очень красивые виды. Кроме того, совсем близко от остановки автобуса. И ухоженное. Конечно, не каждый может приобрести там участок... Очень дорого... Но это даже и лучше. Каждому свое место, не так ли, эфендим? Как вы сказали, где ваше кладбище?

— В Самсуне.
— Ну, там, должно быть, семейные участки подешевле.
Разодетая дама скривила губы, усмехнулась и, не отвечая, встала, ушла.

Владелица семейного участка посмотрела направо, налево. Не найдя подходящего собеседника, прошла в другой конец зала, заговорила со смуглой худенькой женщиной:

— Ха, тоже мне, как будто у нее на самом деле в Самсуне есть семейный участок на кладбище...

Худая женщина не поняла:

— Что вы сказали?

— Да вот, говорит, что у нее в Самсуне есть семейный участок на кладбище...

— Кто?

— А женщина, с которой я только что вон там разговаривала. Да разве в такой дыре, как Самсун, могут быть семейные участки на кладбище? Она думает, что мне можно втереть очки. Разве я не понимаю, что к чему? В Стамбуле — другое дело, вполне поверю. Ври-ври, да не завирайся. А вы знаете, где наш семейный участок? На Новом кладбище.

— Очень приятно.

— И красиво, и довольно приятно...

— На кладбище Топкапы тоже есть хорошие семейные участки.

— Ваш участок там?

— Нет, что вы! У нас ничего такого нет. Просто я видела там. Есть очень красиво оформленные.

— Хорошо, что вы мне сказали. Где это, говорите?

— В Топкапы.

— Надо будет сказать моему мужу, пусть там купит для нас участок, раз уж там очень красиво... Раньше у нас был участок на Мевлянакапы. Мужу разонравилось — дескать, место старомодное, — перенес участок на Новое кладбище. Значит, у вас нет семейного участка?

— Нет...

— Вай, вай! Но вы не огорчайтесь. Даст бог, будет и у вас. У нас семейный участок уже давно. И даже когда я еще не была замужем, моя свекровь, когда меня сватала, говорила: ни за что не возьмет невестку из семьи, которая не имеет своего участка на кладбище. А узнала, что и у моих родителей он есть, так очень обрадовалась. Но какие же зловредные бывают люди! Одна соседка, с кем мы не ладили, наврала моей свекрови:

это, мол, не их участок, они вам, мол, чужой показывают. Сама свою дочку хотела выдать за моего теперешнего мужа, ей-богу, не сойти мне с этого места... Очень зловредные бывают на свете люди...

Худая смуглая женщина вскочила с места и побежала, крича маленькому мальчику:

— Не отходи далеко, сейчас придет поезд!

Обладательница семейного кладбища снова огляделась. Не обнаружив никого, с кем можно было бы затеять разговор, вышла на перрон. Окинула взглядом сидящих на скамьях. Подошла к женщине средних лет.

— Простите, вы куда едете?

— В Стамбул.

— Я тоже. У нас семейный участок на кладбище. Вот еду туда. А у вас есть семейное кладбище?

— Да.

— Извините, что я вас спрашиваю, где, интересно?

— В Бебеке.

— В хорошем месте, значит, на Босфоре. Я очень люблю Босфор! А вот эта женщина, — показывает на разодетую даму, — говорит, будто у нее в Самсуне есть семейное кладбище.

Собеседница не отвечает.

— Как неожиданно наступила жара, не правда ли, ханымэфенди?

— Да.

— В жаркую погоду очень хорошо, когда есть холодильник. У вас, конечно, есть холодильник?

— Да.

— На скольких ножках?

— Не знаю, не смотрела на ножки. На четырех, наверное; во всяком случае, стоит достаточно прочно.

— У нас на восьми ножках... Но уже начал то и дело отказывать. Мы купили новый. Конечно, со временем и холодильник портится.

— Естественно.

— Стиральную машину тоже купили новую. А сейчас думаем отдать соседям наш старый пылесос. Я говорю: «Давай продадим», — но мой, слава богу, никогда не был скупердяем, ни за что, говорит, непременно отдадим бедной семье. У нас и машина была. Да вот, сняли квартиру, некуда ставить. Пришлось продать. Но муж думает купить новую. Стало быть, ваше семейное кладбище в Бебеке?

— Да.

— Кто у вас там, на вашем участке?

— Наш участок очень старый.

— Ааа, значит, старый... А почему нового не заведете? У нас был участок на Мевлянакапы, так мы его на Новое кладбище перенесли... Муж, дай ему бог здоровья, не захотел, чтоб на старом кладбище. Мы уже приготовили место для свекрови, огорожено цепью, сверху мраморная плита. Никаких денег не пожалели. Разве угадаешь, что когда случится! Такая уж наша жизнь, лучше заранее подготовить. Кто знает, что ожидает нас, грешных, не так ли, ханымэфенди?

— Да нет уж, пронеси, господи!

— А свекровь говорит: «Посадите еще и инжир». Посажу своими руками, даст бог. Уж очень я люблю ее, свою свекровь. Упаси ее аллах от дурного глаза! Плита у нее на могиле из толстого мрамора, прикрывает прочно. И вокруг цепью огорожено... А еще если посадим инжир... У вас семейный участок, конечно, на красивом месте?

Подошла электричка. Пассажиры сбежались к дверям вагонов. Владелица семейного кладбища не попала в вагон, куда ринулась ее собеседница. Села на свободное место в другом вагоне. Справа мужчина, слева — мальчик. Ей это не понравилось. Перешла на другое место, рядом с женщиной:

— Вы тоже в Стамбул, ханымэфенди?

— Да.

— И я... Там у нас семейное кладбище, вот я туда и еду... Конечно, и у вас есть семейный участок на кладбище?

— Нет.

— Дааа... Хорошо, а как же ваша семья?

— То есть как?

— Не дай бог, а если кто умрет?

— Семейного кладбища у нас нет.

— Семейное кладбище — это дело нужное, голубушка. Всегда будешь спокойна. Все вместе, перед твоими глазами. У нас участок на Новом кладбище. Вы там бывали? Нет? Но вы сходите, посмотрите — прекрасное место. Шишли, что ни говорите, все-таки для благородных людей...

Электричка остановилась на станции Сиркеджи. Владелица семейного кладбища сошла с поезда. Прижимая ребенка к груди, поплелась к зданию с вывеской «Биржа труда».

Перевел с турецкого
Л. Старостов